

Чистая Линия: Выбор

Диана Аллеб

18+

Диана Аллеб

Чистая Линия: Выбор

«Автор»

2026

Аллеб Д.

Чистая Линия: Выбор / Д. Аллеб — «Автор», 2026

Одиннадцать лет назад Аделаида Тальвен исчезла. Для Альдерина она стала ещё одним ребёнком, которого так и не нашли. Для семьи — надеждой, которую никто не решился похоронить. Для тех, кто её забрал, — оружием. Теперь Ада вернулась домой. Но для остального мира Аделаида Тальвен по-прежнему должна оставаться мёртвой. Пока Завет Четырёх Линий не выбирает её сестру для брачного Созыва — древнего Отбора, где двадцать девушек должны доказать, что достойны продолжить кровь королевских домов. В Вейлар отправится не Амалия. Её место займёт сестра, которой там вообще не должно существовать. С чужим именем. С чужой магией. С прошлым, которое нельзя раскрыть. Ей нужно совсем немного: пережить Отбор, не выделиться среди остальных и вернуться домой. Только человек, которого одиннадцать лет учили выживать любой ценой, слишком плохо умеет намеренно проигрывать.

© Аллеб Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Диана Аллеб

Чистая Линия: Выбор

Пролог

Тяжёлая дверь встала в паз без хлопка. О том, что разговор закончится не тогда, когда решит Ада, сообщил ключ — коротким сухим поворотом снаружи. Один из сопровождавших остался у порога; второй двинулся по галерее, и его шаги ещё несколько мгновений возвращались от каменных стен, прежде чем окончательно раствориться в глубине Палаты.

Ада не обернулась. До двери было пять шагов, если идти вдоль стола, и четыре — напрямую, задев угол бедром. Высокое окно справа не открывалось изнутри: бронзовая ручка находилась выше вытянутой руки, да и за стеклом лежал внутренний двор, окружённый двумя ярусами аркад. В комнате не было ни камина, ни жаровни, однако от светлого камня не тянуло сыростью — скрытое магическое отопление держало ровное, почти безликое тепло. Даже воздух здесь пах учреждением: сухой бумагой, воском для дерева и металлом чернильницы. Палата умела лишать свободы без решёток, грязной соломы и прочих вещей, которые хотя бы честно называли бы происходящее заключением.

Посреди комнаты стоял широкий стол из тёмного дерева. Светильник под потолком заливал его спокойным белым сиянием, от которого особенно отчётливо проступали четыре бронзовые линии, расходившиеся от круглой вставки в столешнице. На дальней стороне лежала графитовая папка, рядом — несколько чистых листов, чернильница и металлическое перо. На стороне Ады оставили только стакан воды.

Мужчина за столом поднялся, когда она подошла. Ему было около пятидесяти; тёмные волосы поседели у висков, а глубокие складки у переносицы выдавали привычку часами щуриться над мелким почерком. В лице не было ни суровости, ни располагающей мягкости — только усталое внимание человека, который давно научился не путать чужой страх с признанием. Графитовый камзол сидел на нём безупречно, серебряный знак Палаты у высокого воротника тускло блеснул, когда он указал на стул.

Ада положила ладонь на спинку, сдвинула его на полшага и развернула так, чтобы дверь осталась справа, в пределах бокового зрения. Длинная юбка скользнула по камню; волосы, перехваченные низко на затылке, качнулись тяжёлой иссиня-чёрной волной и на миг поймали холодный отблеск светильника.

— Стол к полу не прикреплён, — негромко заметил мужчина. — Можете поставить стул как вам удобно.

Его спокойствие было хуже насмешки: он увидел движение, понял его причину и не сделал вид, будто ничего не заметил. Ада всё же села именно так, как собиралась, и расправила перчатки на запястьях, скрывая ненужное напряжение в пальцах.

— Редкая предусмотрительность.

— Последние недели убедили Палату, что привычные представления об удобстве бывают неполными.

Он произнёс это без укола и первым опустил на своё место. Кресло под ним тихо скрипнуло; больше ни один звук не нарушил ровного гула светильника. В тёмном окне над его плечом отразилось лицо Ады — слишком светлое в белом освещении, с холодно-алыми губами и серо-голубыми глазами, обведёнными яркой ледяной каймой. То самое лицо несколько недель принимали за лицо Амалии Тальвен. Теперь на папке перед мужчиной серебрилась узкая пластина с другим именем.

Он не стал просить Аду произнести его вслух. Вместо этого раскрыл папку, вынул несколько листов и развернул их к ней.

— Это предварительное изложение обстоятельств, которые Палата считает установленными. Не признание и не готовый протокол: некоторые сведения ещё проверяются, некоторые требуют вашей позиции. Вы можете прочитать текст и указать фактические ошибки. Отказ тоже будет отмечен — без толкований, которых вы не давали.

Последняя оговорка прозвучала слишком продуманно, чтобы быть обычной вежливостью. Ада не потянулась к листам.

— Вы хотите, чтобы я помогла вам отделить то, что вы знаете, от того, что только подозреваете.

Мужчина на секунду задержал пальцы на краю бумаги, затем убрал руку, оставляя решение ей.

— Да. Я мог бы назвать это иначе, но смысл не изменится.

Хотя бы не лгал. Ада подтянула первый лист к себе. Имя стояло в верхней строке: Аделаида Тальвен. Ни кавычек, ни пометки «предположительно», ни осторожного «называющая себя». Ниже следовали дата рождения, Дом, имена родителей, исчезновение в девять лет. Архивные факты, сухие и точные. Палата собирала их один за другим, пока из строк не возникла вторая дочь Тальвенов — девочка, которую официальные записи так и не успели превратить в умершую.

Ада читала медленно, не из-за сложности текста. Она следила за тем, какие слова были выбраны, где появлялась уверенность, где оставляли пространство для сомнения. «Прибыла в Вейлар под именем Амалии Тальвен». «Использовала документы, выданные на имя сестры». «Природный дар Льда не подтверждён». Последнее было подчёркнуто тонкой графитовой чертой, проведённой ещё до её прихода.

Мужчина напротив не торопил. Он сидел, слегка откинувшись, но это не было расслабленностью: перо лежало поперёк его пальцев, готовое двинуться, едва она задержится на нужном месте. Ада перевернула страницу.

Третий пункт начинался словами: «До начала проверки Аделаиды Тальвен по собственной воле раскрыла свою личность и обстоятельства подмены частному лицу, впоследствии передавшему сведения Палате».

Она дочитала строку до конца, потом ещё раз — уже не смысл, а каждое слово отдельно. Сильнее всего цеплялось «по собственной воле». Формулировка была безупречной. В ней не утверждалось, что Ада хотела сообщить что-либо Палате; два действия принадлежали разным людям, между ними стояло аккуратное «впоследствии». Юридически придаться было не к чему.

Имя того, кто принёс эти сведения в Палату, ей уже называли до входа в эту комнату. Ошибки не было. И всё же белый лист на мгновение исчез. Вместо ровного света — тёплая полутьма, в которой ей не нужно было искать дверь; чужое дыхание совсем близко; собственная ладонь, оставленная на мужском плече не ради равновесия и не для удара. Она помнила, как отстранилась первой, потому что мысль о чужом имени вдруг стала невыносимой. Помнила паузу перед тремя словами, после которых ещё можно было солгать, — и то, как не солгала.

Три слова — «я не Амалия» — тогда прозвучали почти шёпотом. Здесь та же правда лежала под знаком Палаты, выправленная до безупречной служебной строки.

Край листа смялся под её пальцами. Ада заметила это не сразу; разгладила бумагу большим пальцем, медленно, будто исправляла чужую небрежность, и только после этого подняла голову.

Мужчина уже не держал перо наготове. Он смотрел на перчатку, оставшуюся у строки, и выражение его лица стало осторожнее.

— Здесь нужна правка, — сказала Ада.

Он не спросил какая. Подтянул к себе чернильницу, обмакнул перо и положил свободную ладонь рядом с полем, показывая, что слушает.

— «Аделаида Тальвен не передавала сведения Палате», — продиктовала она. Слова выходили ровно, хотя под высоким воротом стало тесно дышать. — «Сведения были переданы без её согласия».

Металлический наконечник коснулся бумаги, но мужчина написал только первую фразу. На второй остановился и слегка повернул лист, сверяясь с исходной строкой.

— Отсутствие согласия я могу внести как вашу позицию, — произнёс он после паузы. — Не как установленный факт. Вас не спрашивали о передаче заранее?

Прямой вопрос появился лишь в самом конце, когда всё остальное уже было сказано. Ада почувствовала, как в груди снова поднимается холод — не страх, а желание захлопнуть перед ним любую дверь, до которой он успел дотянуться.

— Если бы спрашивали, этой правки не понадобилось бы.

Мужчина принял ответ без дальнейшего нажима. На полях появилась вторая строка, чуть мельче первой: «По заявлению Аделаиды Тальвен — без её предварительного согласия». Он поставил точку, промокнул лишние чернила узкой полоской бумаги и только тогда поднял глаза.

— Слово «добровольно» вы тоже считаете неверным?

Ада снова посмотрела на фразу. Именно это слово ранило сильнее всего — не потому, что было ложью, а потому, что оставалось правдой.

— Нет. Оставьте. Я действительно сказала сама. — Перчатка скользнула со строки и легла на колено; теперь ткань скрывала, как сильно ногти впились в ладонь. — Передать решил другой человек.

Мужчина медленно положил перо на стол. В его взгляде мелькнуло понимание — не того разговора, которого он не слышал, а границы, которую бумага уже успела переступить.

— Исходное сообщение не содержит требования наказать вас, — сказал он. Голос стал тише, почти лишился служебной отстранённости. — Там нет предположений о ваших намерениях и нет попытки представить вас агентом Меррата. Сообщены факты, которые источник счёл относящимися к нарушению Созыва.

Он, вероятно, хотел отделить поступок от последствий. Или просто считал, что точность обязана утешать, если человек достаточно разумен, чтобы её оценить.

Ада опустила взгляд на лист. Строки действительно были составлены именно так: без злости, без преувеличений, без единого обвинительного слова. Человек, которому она открылась, не пытался её очернить. Он лишь аккуратно вынул доверенную правду из одного разговора и положил туда, где ею могли распоряжаться другие.

— Да, — произнесла она после долгой паузы. — Очень на него похоже.

Мужчина едва заметно нахмурился, но любопытство удержал при себе. Вместо вопроса он подвинул к Аде стакан — не близко к руке, не вынуждая принимать жест, а просто на середину стола, где вода переставала быть его предложением и становилась доступным предметом. Ада не взяла его.

— Эта точность имеет значение для дела, — продолжил он, снова возвращаясь к привычному размеренному тону. — Палата различает сообщение о нарушении и требование конкретного решения.

— Палате повезло. У неё есть дело, чтобы всё различить.

Сухость реплики не скрыла усталости. Ада услышала её сама и отвернулась к окну, где отражение стало резче: очень светлая кожа, тёмная линия волос вдоль плеча, неподвижный рот. От Амалии в этом лице не осталось ничего, кроме черт. Даже сидела она иначе — чуть боком, удерживая дверь в поле зрения, пока Палата превращала её жизнь в правильно выстроенные абзацы.

Мужчина не стал защищать учреждение. Он переложил первый лист под остальные и открыл следующий раздел. На этот раз не подвинул его к ней сразу.

— Здесь изложено участие вашей сестры. Если текст содержит ошибку, способную повлиять на её положение, у вас есть возможность её обозначить.

Слова звучали почти человечно, но построены были слишком точно. Ада медленно вернулась к нему лицом.

— Вы предлагаете мне очертить границы правды. Всё, что я опровергну, вы исключите; всё, чего не коснусь, проверите особенно внимательно.

На переносице мужчины углубилась складка. Он провёл большим пальцем по тупому ребру пера, оставив на коже тёмный след чернил, и не стал прятать его салфеткой.

— Я предлагаю не оставлять в деле ошибку только потому, что вы опасаетесь помочь проверке. Но убеждать вас, будто ответы не будут использованы, не стану. Это было бы нечестно.

Несколько мгновений Ада смотрела на чернильное пятно у него на пальце — единственную неидеальную деталь во всей комнате. Потом вернула листы на его сторону стола. Бумага прошла через бронзовый круг в центре, на миг разделив четыре расходящиеся линии.

— Тогда дальше проверяйте без меня.

— Даже если молчание осложнит положение Амалии?

Он произнёс это без нажима, и именно поэтому угроза стала слышнее. Не намеренная — скорее неизбежная, встроенная в сам порядок вещей. Ада ощутила, как плечи сами готовятся к удару, хотя перед ней сидел человек с пером, а не оружием.

— Не делайте этого, — сказала она тише.

Мужчина не отвёл глаз, но рука на папке замерла.

— Чего именно?

— Не объясняйте мне последствия для сестры так, будто я забыла о ней на время нашего разговора. И не называйте это возможностью её защитить. Если я начну исправлять ваши предположения, вы узнаете, какие из них близки к правде. Если промолчу, вы всё равно будете искать. Вы это понимаете не хуже меня.

К концу фразы её голос стал жёстче, однако под столом пальцы разжались. Злость возвращала телу точность; с ней было проще, чем с той пустотой, которая возникла при слове «добровольно».

Мужчина медленно откинулся на спинку кресла. Впервые за всё время он выглядел не как безупречное продолжение Палаты, а как уставший человек, которому не понравилось собственное место в разговоре.

— Понимаю, — признал он. — И больше не стану формулировать это таким образом.

Ада ожидала продолжения — оправдания, ссылки на обязанность, ещё одной аккуратной границы между намерением и результатом. Ничего не последовало. Он просто закрыл раздел об Амалии и вернулся к странице с правкой.

— Вам предложат ознакомиться с остальными материалами позже. Сейчас мне нужно зафиксировать, что вы прочитали первые три пункта и отказались продолжать.

— Зафиксируйте, что чтение прекратилось после третьего пункта, — поправила Ада. — «Отказалась продолжать» звучит так, будто вы предложили мне книгу.

На этот раз в его глазах на мгновение появилось что-то живое — не улыбка, скорее усталое признание справедливости замечания. Он зачеркнул уже начатую строку и написал новую. Ада проследила за движением пера, за тем, как её требование превращается в ещё одну служебную формулировку, и вдруг поняла, что именно это здесь было единственной доступной ей властью: не позволять чужим словам выглядеть её собственными.

Мужчина промокнул запись, вложил листы обратно в папку и закрыл застёжку. Металл щёлкнул негромко, но страж за дверью услышал; почти сразу снаружи повернулся ключ.

Ада поднялась не спеша. Стул задел край её юбки, и она придержала спинку, прежде чем дерево успело скрипнуть по камню. Уже у двери она всё же оглянулась — не на мужчину, а на страницу, которую он оставил поверх остальных до высыхания чернил. На полях ещё блестела добавленная им строка: «По заявлению Аделаиды Тальвен — без её предварительного согласия». Страж распахнул дверь шире, и Ада вышла, оставив чернила сохнуть под ровным белым светом.

За дверью остались белый свет, открытая папка и строка, которую Ада заставила исправить. Галерея встретила её прохладой высоких окон и ровным сиянием настенных светильников. Они горели через одну арку, выхватывая из полумрака то светлый камень, то бронзовые полосы в полу, сходявшиеся у каждого пересечения коридоров в знак Четырёх. За стеклом лежал квадратный внутренний двор; тёмные кроны почти сливались с ночным небом, а на влажных дорожках дрожали вытянутые отражения фонарей.

Двое стражей ждали у стены. Старший стоял спокойно, положив ладони одну на другую поверх пояса; молодой держался чуть напряжённое, и пальцы у него то касались серебряной застёжки на перевязи, то снова отступали. На их графитовой форме не было цветов ни одной Короны — только небольшой знак Палаты у воротника.

— Госпожа Тальвен, — произнёс старший, указав налево.

Ада задержалась на пороге. За спиной уже шелестела бумага: служащий вернулся к документам прежде, чем закрылась дверь. Её слова оставались там, вместе с чужой записью о том, что согласия она не давала.

— Уточните, — попросила она, не двигаясь с места.

Молодой страж вскинул на неё глаза, не сразу поняв, чего она требует. Потом его внимание метнулось к закрывающейся двери, к старшему и лишь после этого вернулось к её лицу.

— Аделаида Тальвен, — сказал он, чуть выпрямившись. Имя прозвучало осторожнее, чем требовал обычный приказ. — Вам нужно пройти с нами.

До сегодняшнего вечера в Палате её называли Амалией. Теперь настоящее имя произносили люди, которые никогда не должны были его узнать, и каждый раз оно словно возвращалось к ней уже чужим — побывавшим в бумагах, протоколах и разговорах за закрытыми дверями.

Ада всё-таки двинулась с места. Старший пошёл впереди, задавая путь; молодой остался на полшага позади и справа. Достаточно близко, чтобы остановить её, если она резко изменит направление, и достаточно далеко, чтобы не коснуться случайно. Или не дать коснуться себя.

Знакомая часть комплекса осталась за первой аркой. Там, в стороне Дома Созыва, галереи были шире и теплее: больше тёмного дерева, мягких дорожек на каменном полу, живых цветов у окон. Здесь украшения исчезали с каждым поворотом. Стены оставались такими же светлыми, потолки — такими же высокими, но двери стояли чаще, а на каждой блестела узкая металлическая пластина без имени. Палата не выглядела тюрьмой. Она выглядела учреждением, где любое ограничение можно было сформулировать достаточно аккуратно, чтобы оно перестало походить на насилие.

Навстречу прошёл худой молодой секретарь с тремя папками, прижатыми к груди. Он взглянул на Аду рассеянно — и тут же узнал. Верхняя папка съехала, ударилась углом о нижнюю; секретарь успел поймать её, но лист, торчавший между створками, выпал на пол.

Страж впереди не остановился. Ада тоже.

Уже за поворотом она услышала, как бумагу торопливо поднимают с камня.

— Быстро, — сказала она, чуть ускорив шаг.

Молодой страж позади едва заметно повернул голову.

— Что именно? — спросил он, нахмурившись.

— Я перестала быть Амалией меньше дня назад. По Палате уже разносят папки и роняют документы.

Он отвёл взгляд к окнам. На скулах проступил неровный румянец, делавший его моложе.

— Возможно, он просто вас узнал, — произнёс он осторожно, словно заранее готовился пожалеть об этих словах.

— Узнал? — Ада коротко усмехнулась, не скрывая недоверия. — За один вечер? Тогда у Палаты либо очень хорошая память, либо очень плохая дисциплина.

Молодой страж кашлянул, будто не решил, можно ли на это отвечать.

— Я не имел в виду...

— Я поняла, что вы имели в виду, — перебила она, повернув к нему голову. — В этом и проблема.

Старший не вмешался, но шаг его стал чуть медленнее. Не настолько, чтобы это можно было назвать вниманием к разговору, — лишь настолько, чтобы не потерять ни одного слова.

У следующего пересечения бронзовые линии расходились в четыре стороны. Прямой проход вёл к закрытому саду и дальше, к жилому корпусу кандидаток. Ада знала дорогу: несколько недель ходила здесь на испытания, занятия и официальные встречи, запоминая повороты не хуже человека, который собирался однажды пройти их в темноте. Страж свернул вправо.

Она на мгновение задержала шаг.

Молодой тут же сместился, перекрывая прямой путь. Его ладонь поднялась к её предплечью, но остановилась, не коснувшись ткани. Ада проследила за этим движением; он заметил, куда направлено её внимание, и медленно убрал руку.

— Я не собиралась бежать, — сказала она, глядя на его отступившую ладонь.

— Я ничего не сказал, — возразил он, но голос прозвучал виновато.

— Зато очень выразительно подумали.

Молодой страж сжал губы. В его лице не было враждебности — только настороженность человека, которому сообщили, что женщина перед ним опасна, но не объяснили, насколько. Он старался выполнять приказ правильно и всё равно боялся ошибиться расстоянием.

— Прошу не останавливаться, — произнёс старший, не оборачиваясь. Голос у него оказался низким и утомлённым, без привычной для охраны резкости. — В этой части Палаты сегодня слишком много людей.

— Которым не терпится увидеть, как выглядит чужая ошибка? — спросила Ада, снова двигаясь вперёд.

Теперь он всё же оглянулся. Светильник над аркой высветил короткую седину у виска и старый светлый след поперёк подбородка.

— Думаю, большинство хотят убедиться, что ошиблась Палата, — ответил он после короткой паузы, чуть скривив губы. — А не они сами.

Ада не ожидала ответа. Тем более такого. Несколько шагов они прошли молча; бронзовые полосы остались позади, и пол снова стал гладким, разделённым только светлыми швами между каменными плитами.

— А вы? — спросила она, нарушив тишину. — Тоже хотите убедиться?

Старший не ответил сразу. Его плечи едва заметно напряглись под форменным камзолом; он поправил связку ключей на поясе, хотя металл и так больше не задевал пряжку.

— Я хочу довести вас до комнаты, — сказал он наконец, не оборачиваясь.

— Это не ответ, — заметила Ада, чуть склонив голову.

— Это моя работа, — отрезал он, и в голосе впервые проступила усталость человека, которому этот разговор уже приходилось вести не раз.

— Работа не мешает иметь мнение.

Он на мгновение сжал пальцы на ремне, будто удерживая готовую реплику.

— Иногда очень мешает, — ответил он тише, и в этих словах прозвучало что-то похожее то ли на усталость, то ли на сожаление.

Ада посмотрела ему в спину.

— Значит, мнение у вас есть.

— Я этого не говорил, — бросил он через плечо, но уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Но и не отрицали.

Молодой страж тихо выдохнул через нос. То ли сдержал смех, то ли просто устал следить за разговором. Старший бросил на него короткий взгляд через плечо, и тот мгновенно выпрямился.

— Не помогайте ей, — сказал старший, нахмурившись, хотя в голосе уже не было прежней жёсткости.

— Я молчу, господин Ренн, — поспешно ответил молодой.

— Вот и продолжайте, — буркнул Ренн и снова отвернулся.

Ада уловила имя и запомнила его.

— Господин Ренн, — повторила она, смакуя непривычное обращение. — Вы всегда так охотно отвечаете на вопросы?

— Только когда меня ведут по коридору и не дают свернуть, — ответил он, чуть замедлив шаг.

— Вас ведут?

— Сейчас — да, — признался Ренн с коротким вздохом.

— Тогда мы в равном положении.

На этот раз молодой страж всё-таки не сдержал улыбку. Она мелькнула и исчезла почти сразу, но Ада успела её заметить.

Старший покачал головой, и в его взгляде впервые появилось не только раздражение, но и невольное внимание.

— Не обольщайтесь, госпожа Тальвен, — сказал он, придерживая дверь впереди. — Равенство закончится у двери.

Сухость в его голосе уже не была прежней стеной. Он по-прежнему не позволял ей втянуть себя туда, куда не собирался идти, но теперь делал это не только приказами. Ада признала границу и больше не настаивала.

Они спустились на один пролёт. Лестница была широкая, с невысокими ступенями и бронзовыми перилами, отполированными сотнями ладоней. На нижней площадке пахло прохладным воздухом из внутреннего двора и чем-то травяным — вероятно, служащие недавно вымыли камень настоящим, перебивавшим запах чернил и старой бумаги. Отсюда шум Палаты слышался иначе: не отдельными голосами и шагами, а ровным приглушённым движением большого здания, продолжавшего работать после наступления темноты.

Ада машинально посмотрела вверх, туда, где сквозь лестничный проём ещё виднелась часть галереи. Если вернуться тем же путём, третий поворот выводил к комнате, в которой осталась папка. Пятый — к закрытому саду. Дальше можно было попасть в Дом Созыва.

Слишком много дверей. Слишком мало тех, которые теперь открылись бы перед ней.

В конце короткого бокового коридора вместо тёмного дерева блеснуло стекло. Две высокие прозрачные створки в узкой металлической раме отделяли от галереи маленькую комнату, которую можно было охватить одним взглядом ещё до того, как Ренн достал ключ.

Светлые каменные стены. Узкая кровать, придвинутая к дальней стороне. Небольшой магический светильник под потолком.

Больше ничего.

Ни стола, за которым можно было бы притвориться занятой. Ни кресла, которое позволяло бы отвернуться к окну. Ни угла, скрытого от людей в коридоре. Стекланные двери оставляли всё помещение открытым чужому наблюдению, и от этого оно походило не на комнату, а на аккуратно освещённую витрину.

Ключ коротко звякнул в руке Ренна.

— Здесь вам придётся подождать, — сказал он, отперев одну из прозрачных створок и отступив в сторону.

Ада вошла, но остановилась сразу за порогом. От двери до кровати было три шага. Ещё один — вдоль стены. Проверять помещение дольше не имело смысла: стекло уже показало ей всё, что здесь можно было найти.

Молодой страж остался в коридоре. Теперь он смотрел не на неё, а чуть в сторону, будто пытался подарить хотя бы видимость уединения, которого стеклянные двери всё равно не оставляли.

— Сколько? — спросила Ада, не сводя глаз с Ренна.

Старший задержал ключ в ладони. На внутренней стороне его большого пальца темнела вьёвшаяся в кожу полоса от металла.

— Мне не сообщили, — ответил он, и раздражение в его голосе сменилось короткой беспомощностью.

— Тогда что именно вы предлагаете ждать?

Вопрос заставил его на мгновение опустить глаза. Ада видела, как он выбирает между привычной формулировкой и правдой.

— Решения людей, которые сейчас знают о вашем положении больше, чем мы оба, — сказал Ренн, медленно подбирая слова.

Он мог сказать «решения Палаты». Мог назвать проверку, расследование, безопасность. Вместо этого оставил ей хотя бы точность.

Ада отошла от прозрачной створки.

— Закрывайте, — произнесла она, и голос её прозвучал ровнее, чем она себя чувствовала.

Молодой страж всё-таки посмотрел на неё. В его лице мелькнуло что-то похожее на сожаление, но Ренн уже взялся за металлическую раму.

— Если вам что-нибудь понадобится... — начал молодой и замялся, словно сам не знал, что можно предложить человеку, которого оставляют в пустой комнате на виду у всего коридора.

Ада удержала его взгляд.

— Открытая дверь.

Молодой растерялся. Ренн рядом с ним прикрыл глаза на короткий вдох — не раздражённо, скорее потому, что услышал именно тот ответ, которого следовало ожидать.

— Кроме этого, — тихо уточнил он, чуть наклонив голову.

— Тогда ничего.

Стеклянные створки сошлись с мягким металлическим звуком. Ренн повернул ключ, проверил замок коротким движением руки и отошёл. Несколько мгновений оба стража ещё оставались перед дверями: молодой избегал смотреть внутрь, старший, напротив, встретил взгляд Ады прямо. Затем они развернулись и пошли по коридору, постепенно уменьшаясь за прозрачной преградой, пока арка не скрыла их окончательно.

Ада осталась одна — и всё же не могла почувствовать себя оставленной без наблюдения. Любой человек, проходивший мимо, увидел бы её сразу: у двери, на кровати, у дальней стены. Здесь невозможно было даже отвернуться так, чтобы тело перестало принадлежать чужому взгляду.

Она провела глазами по маленькой комнате ещё раз. Три шага до кровати. Четыре вдоль стены. Стеклянные двери, которые нельзя открыть изнутри. Никаких предметов, кроме самой кровати и сложенного у изголовья тонкого покрывала.

Несколько недель назад её жизнь начала стремительно сужаться до одного плана, одного чужого имени и необходимости не допустить ошибки. Теперь всё закончилось так же стремительно — в комнате, которую можно было целиком увидеть через стекло.

А началось с белого конверта в руках её сестры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.